

Е. В. Чернцова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Художественная нарративная стратегия и когнитивная семантика слова
(на материале глагольных предикатов *казаться, показаться*)**

Чернцова О. В. Художня нарративна стратегія і когнітивна семантика слова (на матеріалі дієслівних предикатів *казаться, показаться*). Стаття присвячена розгляду кореляції когнітивної семантики слів *казаться, показаться* з художньою нарративною стратегією, втіленою в контексті певного типу. Когнітивна семантика виявляється з урахуванням параметрів – 'комунікативний реєстр', 'художня нарративна стратегія'.

У статті сформульовано гештальт-сценарій, відповідно до якого будуються різні контексти зі словами *казаться, показаться*, показана цілісність гештальту, описані зрушення фокусу уваги, що лежать в основі побудови різних контекстів, – 'фон' і 'фігура'.

Ключові слова: когнітивна семантика, гештальт, фон, фігура, комунікативний реєстр, художня нарративна стратегія.

Чернцова Е. В. Художественная нарративная стратегия и когнитивная семантика слова (на материале глагольных предикатов *казаться, показаться*). Статья посвящена рассмотрению корреляции когнитивной семантики слов *казаться, показаться* с художественной нарративной стратегией, воплощенной в контексте определенного типа. Когнитивная семантика слов выявляется с учетом параметров – 'коммуникативный реестр', 'художественная нарративная стратегия'.

В статье сформулирован гештальт-сценарий, в соответствии с которым строятся разные контексты со словами *казаться, показаться*, показана целостность гештальта, описаны сдвиги фокуса внимания, лежащие в основе построения разных контекстов, – 'фон' и 'фигура'.

Ключевые слова: когнитивная семантика, гештальт, фон, фигура, коммуникативный реестр, художественная нарративная стратегия.

Cherntsova E. The Fictional Narrative Strategy and the Cognitive Semantics of a Word (on the verbal predicates *казаться, показаться* material). The article analyzes the correlation of the cognitive semantics of the words *казаться, показаться* with fictional narrative strategy, embodied in the context of a particular type. The cognitive semantics of words is identified within such parameters as 'communicative register', 'fictional narrative strategy'.

The paper formulated gestalt scenario, according to which different contexts with the words *казаться, показаться* are built. The author demonstrates the gestalt's integrity and also describes the focus of attention shifts which underlie the construction of different contexts – 'background' and 'figure'.

Keywords: cognitive semantics, gestalt, background, figure, the communicative register, the fictional narrative strategy.

Статья посвящена рассмотрению корреляции когнитивной семантики слов *казаться, показаться* с художественной нарративной стратегией, воплощенной в контексте определенного типа.

Одна из задач исследования состоит в том, чтобы выявить когнитивную значимость слова в построении «Я»-контекста репродуктивно-описательной и информативно-описательной стратегии. Реализация поставленной цели требует учета, во-первых, коммуникативных установок субъекта дискурса, во-вторых, когнитивных основ речи субъекта. Коммуникативные установки рассматриваются в контексте понятия 'коммуникативный реестр'. Коммуникативный реестр понимается лингвистами как определенный тип отражения действительности, обусловленный точкой зрения говорящего, его пространственно-временной позицией, запечатленной в тексте. В контексте задач исследования вводится различие

репродуктивного и информативного характера коммуникативного регистра, поскольку именно эти коммуникативные установки отражаются в значениях изучаемых слов. Репродуктивный реестр представляет субъекта, который находится в локусе описываемого им события, в силу чего он констатирует лишь только то, что видит, слышит или чувствует непосредственно. Информативный реестр имплицитно представляет субъекта, который не просто описывает то, что видит, но интерпретирует наблюдаемую ситуацию, осмысляет, оценивает ее с позиций собственного понимания, предварительных (пресуппозитивных) знаний [1:29–35].

Современные когнитивные исследования показывают, что языковая деятельность связана с

инферентными¹ модусами обработки информации и с воображением как способностью создавать мысленные образы с ‘мысленными фокусами’, а также хранить эти уже словесно воплощенные образы в долговременной памяти вместе с обозначающими их языковыми единицами. В контексте нашего исследования особенно важен вывод когнитологов о том, что вербальная деятельность во многом следует законам перцепции; визуальная информация хранится в памяти, следуя, главным образом, расположению объектов в пространстве [2:23]. В связи с этим для описания когнитивной семантики художественного контекста и интересующих нас слов *казаться*, *показаться* используем понятия ‘гештальт’, ‘фигура’, ‘фон’, ‘фокус’.

Понятие ‘гештальт’ предполагает способность человеческой психики организовывать опыт в целостные в функциональном отношении структуры, образы, формы. Гештальты не образуются в результате простого суммирования признаков объектов, а воспринимаются как ‘фигура’ на ‘фоне’, при этом в структуре гештальта ‘фигура’ задается ‘фоном’. Термины ‘фигура’ и ‘фон’ подчеркивают тот факт, что характер выделяемой сущности во многом зависит от невыделенной, фоновой структуры знаний, в которую эта сущность погружена [2:46].

Проанализируем когнитивную значимость слова *казаться* в построении репродуктивно-описательной стратегии, представленной в следующем «Я» - контексте. Ср.: *Я глядывался в рытвины Столовой горы, промытые протоками и образующие так называемые «ножки стола». На этом расстоянии то, что издали казалось мхом, травкой, явилось целыми лесами кустов и деревьев. Вся гора, взятая нераздельно, кажется какой-то мрачной, мертвой, безмолвной массой, а между тем там много жизни: на подошву ее лезут фермы и сады, в лесах кишат змеи, бегают шакалы и дикие козы.* (И. А. Гончаров, Фрегат «Паллада»²). Коммуникативные интенции рассказчика состоят в изображении природного пространства, которое он видит. Пространственно-временная позиция наблюдателя (он же рассказчик)

¹ Инференция – получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение, – одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию [3:33].

² «Фрегат „Паллада“» — книга очерков Ивана Александровича Гончарова, составленная на основе путевых заметок, которые были написаны во время экспедиции на военном парусном корабле в 1852—1855 годах.

моделируется как синхронная тому, что происходит в художественном мире. В этом контексте важную роль играют грамматические формы прошедшего и настоящего времени глаголов: глаголы прошедшего времени представляют авторское повествование о прошлом (*Я глядывался..., казалось...*), а настоящего – создают в тексте эффект ‘синхронности’ наблюдателя и наблюдаемого (*кажется..., лезут..., кишат...*).

В таком контексте глагольный предикат маркирует сообщение рассказчика о наблюдаемом объекте, первых перцептивных впечатлениях от объекта: *гора кажется какой-то мрачной, мертвой* – ‘наблюдатель находится в локусе происходящего: именно в тот (моделируемый в тексте) момент времени наблюдатель видит, что на горе ничего нет’. Далее в рассматриваемом фрагменте фиксируется смена впечатлений: первое впечатление сменяется другим (ср.: *а между тем там много жизни*). Глагольный предикат маркирует первое впечатление – то, что видно с большого расстояния (ср.: *то, что издали казалось мхом, травкой, явилось целыми лесами кустов и деревьев*). Репродуктивно-описательная стратегия строится на оппозиции впечатлений: *казаться* получает значение ‘субъект-экспериментер сначала описывает объект, который видит издали, а потом это первое, неполное, общее зрительное впечатление сменяется другим, более детальным, полным’. Как показывает наш материал, часть контекстов имплицитно маркирует позицию второго субъекта, которому приписывается второй когнитивный акт – либо акт наблюдения, либо акт рефлексии над полученным впечатлением.

Так, в следующем «МЫ»-контексте репродуктивно-описательной стратегии моделируется особый субъект-наблюдатель, обозначенный номинацией – *привычный глаз*. Ср.: *На степной речке Рохле приютился город Бельск. В этом месте она делает несколько крутых излучин, соединенных протоками; все сплетение, если смотреть в ясный летний день с высокого правого берега долины реки, кажется целым бантом из голубых лент. Этот высокий берег подымается над уровнем Рохли сажень на пятьдесят и точно срезан огромным ножом так круто, что взобраться от воды наверх, туда, где начинается бесконечная степь, можно, только хватаясь за кусты бересклета, дерезы и орешника, густо покрывающих склон. Оттуда, сверху, открывается вид верст на сорок кругом. Направо к югу и налево на север тянутся холмы правого берега Рохли, круто спускающиеся в долину, как тот, с которого мы смотрим, или отлогие; некоторые из них белеют своими обнаженными от почвы меловыми вершинами и скатами; другие покрыты по большей части чахлой и низкой травой. Прямо на восток тянется безграничная, слегка поднимающаяся*

степь, то желтая от сенокосов, на которых густо разросся негодный молочай, то зеленеющая хлебами, то лилово-черная от поднятой недавно целины, то серебристо-серая от ковыля. **Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких лощин и оврагов, да кое-где виднеется небольшим возвышением старый, распаханый и вросший в землю курган, уже без каменной бабы, которая, может быть, украшает в качестве скифского памятника двор Харьковского университета, а может быть, увезена каким-нибудь мужиком и заложена в стенку загона для скотины.** (В. М. Гаршин, Медведи).

Два субъекта, имплицитных в контексте с *казаться*, создают содержательный объем и динамику повествования: во фрагменте – *Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких лощин и оврагов*, – форма настоящего времени имперфективного глагола (*кажется*) выполняет метанарративную функцию проспективизации дискурса: маркирует первое впечатление субъекта-наблюдателя, которое затем противопоставляется другому, более детализированному впечатлению опытного, знающего эту местность наблюдателя (*и только привычный глаз рассмотрит*). Таким образом к концу фрагмента появляются признаки информативного регистра, переводящие фокус внимания читателя с изображения природного пространства на информирование обо всех деталях, которые не могут быть видны наблюдателю, но могут быть известны рассказчику (размышления о каменной бабе и т.д.).

Далее сравним описанное репродуктивное значение предиката с другими значениями, которые реализуются в контексте информативно-описательной стратегии ‘рассказ-воспоминание участника события’. В качестве художественного материала возьмем текст рассказа Л. Н. Толстого «Метель»³. Художественная нарративная стратегия базируется на когнитивной стратегии ‘субъект-рассказчик вспоминает об опасных испытаниях, выпавших на его долю, как он чуть не погиб во время поездки в сильную метель’ и выражается эксплицитно, с помощью лексических средств – *названия уже не помню, но помню*. Ср. рассказ начинается так: *В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, которой*

названия уже не помню, но помню, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркасска.

В тексте рассказа Л. Н. Толстого «Метель» глагольные предикаты *казаться*, *показаться* употребляются в трех основных значениях. Далее покажем, что каждое значение обусловлено семантикой контекста, характером коммуникативного регистра, типом художественной нарративной стратегии. Учет характера коммуникативного регистра позволяет различать контексты двух типов: первый тип контекста формирует перцептивный план повествования (репродуктивный регистр); второй тип – отражает эпистемический план текста (информативный регистр). Третий тип контекста может быть противопоставлен первым двум по коммуникативной установке – ‘воссоздать когнитивный процесс «изнутри» сознания персонажа, оказавшегося на грани между жизнью и смертью’, назовем его экзистенциальным. Состояние сознания характеризуется тем, что персонаж теряет способность адекватно воспринимать окружающее, реагировать на него, оценивать происходящее.

Глагол *казаться* в контексте первого типа, как и в представленных выше контекстах, отражает репродукцию того, что видел, слышал, чувствовал субъект-рассказчик в описываемый им момент. Вместе с тем грамматическая форма прошедшего времени предиката маркирует когнитивный акт восстановления в памяти прошлых впечатлений, а также прежних ощущений субъекта. Ср.: *Было уже темно, когда я, закутавшись в шубу и полость, рядом с Алешкой уселся в сани. За стационарным домом казалось тепло и тихо. Хотя снегу не было сверху, над головой не виднелось ни одной звездочки, и небо казалось чрезвычайно низким и черным сравнительно с чистой снежной равниной, расстилавшейся впереди нас.* Коммуникативная установка рассказчика состоит в описании непосредственно воспринимаемого природного пространства (*За стационарным домом казалось тепло; небо казалось чрезвычайно низким*). Ср. также: *Я заснул крепко. Когда же Алешка, толкнув меня ногой, разбудил и я открыл глаза, было уже утро. Казалось еще холодней, чем ночью.* Форма прошедшего времени имперфективного глагола (*что казалось каким*) в контексте воспоминания получает значение, которое можно определить как своеобразную репродукцию: ‘рассказчик восстанавливает в памяти бывшее ощущение / впечатление для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на состоянии природы’ (*казалось_{репродукт}*).

В информативном контексте значение предиката усложняется: слово маркирует не только результат акта перцепции, но и ментальный акт осмысления перцептивных данных – акт вывода

³Как известно, поводом к написанию рассказа послужило происшествие, случившееся с писателем, когда он возвращался с Кавказа в Ясную Поляну.

(казалось, начинало подмораживать). Ср.: *Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать: нос и щеки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться.* Акт вывода отражает информативный регистр текста: читатель получает информацию следующего содержания: ‘рассказчик восстанавливает в памяти умозаключение, которое было сделано им на базе полученных перцептивных данных’ (казалось_{информ}).

Анализ показывает, что рассмотренные значения предиката отражают характер когнитивной деятельности субъекта дискурса: если в художественном контексте представлен рассказчик, который восстанавливает в памяти свои зрительные впечатления и непосредственные ощущения, то предикат получает репродуктивное значение; если же рассказчик восстанавливает в памяти свои мысли, выводы, умозаключения, то предикат получает информативное значение. Если мы сравним информативный контекст с репродуктивным, то увидим, что фокус внимания перемещается с описания природного пространства (в репродуктивном контексте) на когнитивную деятельность рассказчика (в информативном). Ср. также: *Ворочаться мне не хотелось; но и проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень невесело.*

Для анализа контекстов третьего типа важно учесть, что Л. Н. Толстой исследует психологию человека, попавшего в ситуацию экзистенциального знакомства со смертью. Когда рассказчик (барин) решается на опасное путешествие по степи зимой, в сильную метель, то он, по сути, сознательно выбирает игру со смертью. Как представляется, психологический метод Л. Н. Толстого состоит в изображении пограничного состояния замерзающего человека: персонаж пребывает как будто бы во сне, в котором он утратил способность воспринимать происходящее. Не случайно измененное состояние сознания, вызванное замерзанием, описывается Л. Н. Толстым как зловещие мысли-мечты о смерти, ср.: *Мне казалось, что было бы недурно, если бы к утру в какую-нибудь далекую, неизвестную деревню лошади бы уж сами привезли нас полузамерзлых, чтобы некоторые даже замерзли совершенно. И в этом смысле мечты с необыкновенной ясностью и быстротой носились передо мною.*

В контекстах третьего семантического типа глагольные предикаты *казаться, показаться* становятся средством изображения некоторых онтологических процессов ‘жизни сознания’, в частности, неспособности субъекта-экспериментатора в отдельные моменты поддерживать перцептивную

связь с реальным миром. Художественные контексты описывают причины, вызывающие затруднения субъекта: главная причина – это метель, снежная стихия, которая сделала окружающее пространство белым, неразличимым, континуальным; вторая причина – это состояние человека, утомленного дорогой, засыпающего, замерзающего. Рассказчик погружается в такое угнетенное состояние сознания, в котором он не отличает сна от яви, яви от видения.

Дискурс рассказчика воссоздает когнитивные процессы как бы «изнутри» сознания: впечатления быстро сменяют друг друга, ментальные акты имеют произвольный характер, мысли хаотичны, противоречивы. Ср.: *Действительно, я замечал, что иногда передовая тройка становилась мне в профиль слева, иногда справа; мне даже казалось, что мы кружимся на очень малом пространстве. Впрочем, это мог быть обман чувств, как и то, что мне казалось иногда, что передовая тройка въезжает на гору или едет по косогору или под гору, тогда как степь была везде ровная.* Как представляется, контекстное значение глагольного предиката (*мне даже казалось / мне казалось иногда*) можно отразить в следующем метавысказывании: ‘восстанавливая в памяти свои первые впечатления / мысли, рефлектируя над ними, субъект осознает, что был не способен адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее’. Как показывает анализ, это значение индуцируется общим содержанием контекста ‘в метель трудно передвигаться и ничего не видно’, а также наличием эксплицитных маркеров ‘мнимости’, ‘кажимости’ зрительных впечатлений, ощущений разного рода (*это мог быть обман чувств...; но через минуту мне уже ясно стало...; даже казалось; казалось иногда*). Значение ‘сомнительности /противоречивости /ошибочности восстанавливаемых в памяти прошлых впечатлений’ обеспечивается пресуппозитивным контекстным смыслом ‘рассказчик знает об истинных обстоятельствах, свойствах, отношениях описываемых событий’, ср.: *мне казалось иногда, ... тогда как степь была везде ровная.*

Следующий фрагмент также описывает экзистенциальное состояние страха, тоски, вызванное невозможностью найти дорогу в метель. Субъект-экспериментатор не различает предметов, его внимание рассеивается. Ср.: *Напрасно глаз ищет нового предмета: ни столба, ни стога, ни забора — ничего не видно. Везде все бело, бело и подвижно: то горизонт кажется необъятно-далеким, то сжатый на два шага во все стороны, то вдруг белая высокая стена вырастает справа и бежит вдоль саней, то вдруг исчезает и вырастает спереди, чтобы убежать дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверх — покажется светло в*

первую минуту, — кажется, сквозь туман видишь звездочки; но звездочки убегают от взора выше и выше, и только видишь снег, который мимо глаз падает на лицо и воротник шубы; небо везде одинаково светло, одинаково бело, бесцветно, однообразно и постоянно подвижно. Предикат в таком контексте получает значение ‘зрительные впечатления обманчивы, ненадежны’.

Событийно персонаж, измученный длинной дорогой, то засыпает, то просыпается: его сновидения сменяются явью. Когнитивная семантика перфективного предиката в сочетании с распространителем *в первую минуту (как мне показалось в первую минуту)* отражает нарративную стратегию, изоморфную процессу воспоминаний субъекта: воспоминания состоят из ‘квантов’, которые хаотично сменяют друг друга, спонтанно воссоздаются в сознании. Ср.: *Так как я, не ночуя, ехал уже шестую сотню верст, несмотря на то, что меня очень интересовал исход нашего плутания, я невольно закрывал глаза и задремывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразил, как мне показалось в первую минуту, яркий свет, освещавший белую равнину: горизонт значительно расширился, черное низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и когда я посмотрел вверх, мне показалось в первую минуту, что тучи разошлись и что только падающий снег застилает небо. В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет.* Этот фрагмент показывает, что семантика глагольного предиката амальгамируется с семантикой контекста – ‘рассказчик восстанавливает в памяти тяжелое состояние полусна, находясь в котором он не мог адекватно воспринимать происходящее, разобраться в своих впечатлениях, оценить их’.

Художественная стратегия отдельно изображает динамику угасания сознания замерзающего путника. Нарративная стратегия изоморфна изображаемому когнитивному процессу: контекст показывает, как воспоминания о реальном интерферируются с тем, что причудилось, привиделось рассказчику, нереальное невозможно отличить от реального. В тексте воссоздается континуум ощущений и видений. Ср.: *Я спал крепко; но терция колокольчиков все время была слышна и виделась мне во сне то в виде собаки, которая лает и бросается на меня, то органа, в котором я составляю одну дудку, то в виде французских стихов, которые я сочиняю. То мне казалось, что эта терция есть какой-то инструмент пытки, которым не переставая сжимают мою правую пятку. Это было так сильно, что я проснулся и открыл глаза, потирая ногу. Она начинала замораживаться. Ночь была*

та же светлая, мутная, белая. В контексте воссоздается нечто неосознанное, не воплощенное в образах, нечто не подлежащее определению.

Проведенный анализ позволяет сформулировать гештальт-сценарий, в соответствии с которым строятся все рассмотренные контексты, при этом в разных контекстах, в зависимости от коммуникативной установки субъекта, в фокусе внимания оказываются разные фрагменты единого гештальт-сценария.

Интересующий нас гештальт может быть связан с онтологией процесса восприятия: контекст с глагольным предикатом *казаться / показаться* строится в соответствии с общими принципами восприятия, отражает прототипическую ситуацию восприятия (чаще зрительного). Так, в репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива – позиция наблюдателя, т.е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происходящим. Наблюдатель локализован в пространстве «возможного» мира, занимает синхронную с временем описываемого события позицию. Гештальт строится так: субъект-наблюдатель первый раз замечает объект, находясь на значительном расстоянии от него. Первая фиксация увиденного объекта маркируется словом *казаться / показаться* (ср. связь когнитивных значений *показаться* и *казаться*: *гора показалась на горизонте – гора кажется высокой*). Гештальт-сценарий также фиксирует принципиальную возможность изменения первого впечатления субъекта: например, если наблюдатель приближается к заинтересовавшему его объекту, то получает возможность лучше рассмотреть объект, сформировать более полное представление о нем. С позиции этого, более полного представления / знания субъект получает возможность осмыслить первичное впечатление как соответствующее или не соответствующее тому, что имеется в действительности.

Когнитивный гештальт-сценарий представляет восприятие как динамичный процесс, состоящий из этапов. Первый этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. Этап ментального осмысления перцептивных данных получает в художественном контексте коммуникативный статус ‘знания’. Каждый из двух названных этапов восприятия получает репрезентацию в контексте – репродуктивного или информативного коммуникативного типа. ‘Знание’, в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта.

Целостность гештальт-сценария имплицирована во всех контекстах употребления глагольных слов *казаться / показаться*, однако в разных контекстах в качестве ‘фона’ выделяются

разные фрагменты гештальт-сценария, а на том или ином конкретном 'фоне' выделяется более мелкий фрагмент в качестве доминирующей 'фигуры' гештальта. Если сравнить коммуникативные установки субъекта, запечатленные в семантике репродуктивного и информативного контекстов, то можно констатировать смену фокуса внимания с **наблюдаемого объекта** ('фигура') в репродуктивном контексте ('фон') **на мыслящего субъекта, содержание его мыслей** ('фигура') в информативном контексте ('фон') (ср.: контексты репродуктивного (1) и информативного (2) регистра: (1) *небо казалось чрезвычайно низким и черным* – (2) *проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи...казалось очень невесело*).

Концептуальная целостность гештальт-сценария проявляет себя также и в том, что информативное значение *казаться/показаться* сохраняет связь с репродуктивным: интерпретация, умозаключение, вывод восходят к акту перцепции, имеют эмпирическую основу. Но все же ментальный модус предполагает отрыв от акта перцепции, переход на уровень эпистемического

плана повествования, как в случае с информативно-описательной стратегией ретроспективного рассказа участника прошлого события (Л. Н. Толстой «Метель»).

Если же в контексте сообщается об объективных обстоятельствах (причинах), мешающих субъекту рассмотреть объекты внешнего мира, или если контекстуальный 'фон' содержит смысл 'субъект-экспериментер находится в особом, угнетенном состоянии сознания, у него нарушена способность к восприятию', то, в соответствии с обыденной логикой, в фокусе внимания оказывается смысл ('фигура') – 'впечатления такого субъекта ненадежны, интерпретации сомнительны, а сам когнитивный процесс характеризуется хаотичностью и схематичностью'. Внимание читателя фокусируется на персонаже, который не способен к целостному восприятию внешнего мира, а значит, не способен адекватно реагировать и анализировать происходящее с ним.

Литература

1. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова [под общей ред. доктора филол. наук Г. А. Золотовой]. – М., 2004. – 544 с.
2. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. – (Studia philologica).
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина [под общей ред. Е.С. Кубряковой]. – М.: филол. ф-т МГУ имени М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.